

Цзян Тин, должно быть, уже спал, и Пэй Чэньцзин не хотел стучать в дверь и будить его, да и вряд ли рассчитывал, что тот откроет. К счастью, сегодня на нем была довольно плотная одежда, так что Пэй Чэньцзин присел у двери, решив перекантоваться так до утра.

Утешая себя мыслью, что сейчас вроде бы не зима, от одной ночи на пороге с ним ничего не случится, иначе завтра он наверняка попадет в местные новости.

Сначала он думал не спать, чтобы не подхватить простуду, но когда через силу дотянул до трех часов, держаться больше не было никаких сил. Он так и прислонился спиной к двери и понял, что уснул, лишь когда на следующий день его толкнул отворивший дверь Цзян Тин.

Цзян Тин, опустив голову, хмуро смотрел на него. Пэй Чэньцзин просидел и промерз насквозняке слишком долго: ноги онемели, тело одеревенело, и подняться получилось неуклюже и с большим трудом. Цзян Тин молча ждал, пока он встанет и освободит проход, но даже не протянул руку, чтобы помочь.

Пэй Чэньцзин ничего не стал объяснять. Дождавшись, пока Цзян Тин уйдет, он вошел внутрь и сразу выпил стакан воды, чтобы смочить пересохшее горло.

Из-за вчерашнего алкоголя и ночного ветра в голове шумело, жутко раскалывалась голова, а когда он встал, перед глазами на мгновение все потемнело. Взяв отгул на работе, после душа он проспал мертвецким сном до самого полудня.

Проснулся он отчасти из-за заведенного на телефоне будильника, отчасти от голода. Сил не было вообще, идти на кухню не хотелось, поэтому он отыскал в холодильнике полпачки черствого хлеба, чтобы хоть как-то перекусить. Достав градусник, он засунул его подмышку и неподвижно уставился на белую стену.

Ему только что вроде бы приснился сон, но из-за какой-то путаницы в голове вспомнить детали не получалось. В памяти лишь мелькнуло лицо Цзян Тина — то самое, каким он впервые увидел его много лет назад на залитом солнцем теннисном корте возле школы.

Когда Цзян Тин вернулся с работы, его ждал сюрприз: в квартире не горел свет. Обычно Пэй Чэньцзин возвращался раньше него, готовил ужин и ждал дома, но сегодня всё было иначе, да и Пэй Чэньцзин не предупредил заранее, почему его нет.

Стоя на пороге, он позвонил Пэй Чэньцзину, но звонок раздался из глубины квартиры, и через мгновение хриплый голос Пэй Чэньцзина одновременно донесся из телефона и из спальни:

— Алло?

Поднеся трубку к уху, Пэй Чэньцзин долго не слышал в ответ ни звука. Он озадаченно посмотрел на экран, но из-за головокружения и ряби в глазах ничего не мог разобрать, как вдруг звонок сбросился. Пэй Чэньцзин услышал приближающиеся шаги, замершие у двери, — Цзян Тин включил свет в спальне.

Резко вспыхнувший свет резанул по глазам. Пэй Чэньцзин прикрылся рукой и услышал вопрос Цзян Тина:

— Ты что, не ходил на работу?

Пэй Чэньцзин работал в той же компании, что и Цзян Тин. Как ни смешно, на работу и обратно они всегда ездили отдельно, и вот Цзян Тин лишь к вечеру узнал, что Пэй Чэньцзин провел дома весь день.

В ушах стоял сплошной гул, слова Цзян Тина доносились как сквозь вату. Голова раскалывалась так, будто собиралась треснуть по швам, а в теле ощущалась такая слабость, что не было сил даже пошевелиться. Не желая отвечать, Пэй Чэньцзин снова закрыл глаза.

Однако Цзян Тин неожиданно подошел и рывком поднял его на ноги. Стоило тому сделать движение, как перед глазами у Пэй Чэньцзина всё завертелось колесом. Желудок скрутило спазмом, во рту появился тошнотворный привкус, и, зажав рот рукой, он, спотыкаясь, бросился в туалет.

Ноги не держали, и он рухнул на колени прямо у унитаза, его вырвало. Унитаз, который он сам же отмывал каждый день, сиял чистотой.

Вытошнив всё до конца, он ополоснул лицо. Холодная вода, хлынувшая на разгоряченную кожу, немного прояснила мысли, но в зеркале собственное отражение выглядело пугающе — словно мертвец, только что выбравшийся из гроба.

Дневная температура подскочила до тридцати восьми и пяти, и после жаропонижающего он проспал до самого вечера, но высокая температура накатила с новой силой. Тело била мелкая дрожь, а в суставах ныло так, будто их выворачивало наизнанку.

Когда Пэй Чэньцзин вернулся в комнату, Цзян Тин всё еще стоял там, глядя на него с абсолютно бесстрастным выражением лица. Пэй Чэньцзину вдруг подумалось: если бы он сейчас умер, выражение лица Цзян Тина наверняка осталось бы точно таким же.

Ни капли человечности, словно бесчувственный механизм, подогнанный под идеальные параметры.

Но ведь он сам во всем виноват. С какой стати ему кого-то в чем-то упрекать?

В свое время Цзян Тин уже отвергал его, но он всё равно продолжал навязываться и увиваться вокруг. Это он сам не осознавал своего места и упорно лез к недостижимым вершинам, несмотря на то, что за все долгие годы отношений Цзян Тин ни разу — даже из вежливости — не познакомил его с родителями, а среди их общего круга общения были лишь швали да никчемные приятели, умевшие только шататься по притонам.

Все эти друзья заискивали перед Цзян Тином, а потому и Пэй Чэньцзина ни во что не ставили. Каждому из них было очевидно: Цзян Тин страдает от безответной любви к тому, кого действительно желает, а Пэй Чэньцзина выбрал от безысходности, просто как послушную замену.

До чего же смешно было верить, будто у него появился шанс, будто искреннее стремление и тоска могут получить отклик. Наивно полагая, что раз уж сегодня Цзян Тин согласился быть с ним, то со временем привыкнет и по-настоящему полюбит.

Вплоть до сегодняшнего дня.

Пэй Чэньцзин горел в лихорадке: голова одновременно и путалась, и работала предельно четко. Он признавал свою ошибку: после бесчисленных подобных подтверждений, которые он упорно отмахивал, слепо веря в свое, он наконец-то осознал, насколько чудовищно заблуждался.

Он всегда был для Цзян Тина лишь средством убить время и пристроить куда-нибудь не находившие выхода чувства. И хотя в самом начале Пэй Чэньцзин зарекался ничего не требовать и ни на что не надеяться, с годами он, судя по всему, растерял даже эту гордость.

Уходя впопыхах, он даже не надел тапочки. Окинув взглядом его жалкий вид, Цзян Тин нахмурился:

— Ты взрослый человек, неужели не мог сходить в больницу, раз заболел?

С горечью Пэй Чэньцзин поймал себя на мысли, что и сейчас считает Цзян Тина правым. Если судить чисто формально, эта фраза звучала безупречно: он действительно взрослый человек и должен уметь заботиться о себе, не доставляя окружающим хлопот.

Только вот когда он хоть раз доставлял хлопоты самому Цзян Тину? Всё, что, по его мнению, могло потревожить Цзян Тина, он всегда решал сам, но из уст Цзян Тина это звучало так, будто тот вечно разгребал за ним проблемы.

Пэй Чэньцзину вдруг стало противно, и ему совсем не хотелось потакать Цзян Тину:

— Говорят, когда болеешь с температурой, внутри всё становится безумно горячим и приятным. Хочешь попробовать?

Столь непривычное поведение заставило Цзян Тина слегка растеряться, но в его взгляде тотчас мелькнуло отвращение — очевидно, подобное нелепое предложение пришлось ему не по вкусу.

— Я пошутил.

Пэй Чэньцзин напускной легкостью выдавил из себя улыбку, медленно натягивая одежду, чтобы всё-таки поехать в больницу.

Уже на пороге он неожиданно обернулся и бросил на Цзян Тина взгляд:

— Если бы я сегодня вернулся поздно, ты бы снова запер меня снаружи?

<http://bllate.org/book/26721/3200399>